

савцемъ, такъ какъ «красота эта свѣтилась въ его добрыхъ глазахъ»—а воспитатели его находятъ уже, что пора бы нанять для него гувернера, а не «дядьку, нѣмецкаго мужика»—и Карлъ Ивановичъ прогоняется, замѣняясь St. Jérôme'омъ. St. Jérôme, по крайней мѣрѣ,—gouverneur, который пойметъ, «какъ нужно вести des enfants de bonne maison»... А что такое, на самомъ дѣлѣ, этотъ St. Jérôme, замѣнившій *мужика* Карла Ивановича? St. Jérôme—молодой щеголь-французъ, но французъ въ высшей степени легкомысленный, тщеславный, эгоистъ, грубый, жестокий, дерзкій, невѣжественный до самоувѣренности. Интересовался онъ не столько ввѣренными его попеченію дѣтьми, сколько своими видными, мускулистыми ногами, которыми онъ особенно дорожилъ, считая дѣйствіе ихъ «неотразимымъ въ отношеніи особъ женскаго пола»... И вотъ, этому-то шелонаю-волокитѣ ввѣряется уходъ за *душою* ребенка, душою столь чуткою и отзывчивою ко всякому добру, какъ у нашего героя! «И Карлъ Ивановичъ, бывало, разсердившись, говорилъ «кукольная комедія», «шалунья мальшикъ», ставилъ на колѣни, но видно было, когда онъ наказывалъ, что онъ считалъ это хотя необходимою, но неприятною обязанностью... St. Jérôme, напротивъ, называлъ mauvais sujet, vilain garnement и т. п. названіями, *оскорблявшими* самолюбіе; ставя на колѣни—выпрямлялъ свою грудь и дѣлая величественный жестъ рукой, трагическимъ голосомъ кричалъ: «à genoux, mauvais sujet!», при чемъ приказывалъ становиться лицомъ къ себѣ и просить прощенія; наказаніе состояло въ униженіи...» Пенаходя участія и ласки даже отъ роднаго отца, анализирующій умъ его задастъ себѣ вопросы о томъ, что должна же быть причина общей нелюбви къ нему, какъ онъ думалъ; положеніе было тѣмъ тяжелѣе для него, что онъ, какъ мы сказали уже, «спрятался въ себя», но затаен-